

А. Форель

Гипнотизм или внушение и психотерапия

**Москва
«Книга по Требованию»**

А11 **А. Форель**
Гипнотизм или внушение и психотерапия / А. Форель – М.: Книга по Требованию, 2023. – 390 с.

ISBN 978-5-458-36946-6

Книга настолько известна, что не нуждается ни в каких рекомендациях. Ее первое издание вышло в Штутгарте в 1889 году и с тех пор она выдержала много изданий. Предлагаемый перевод сделан с 12 последнего немецкого издания 1923 года. Проф. Август Форель выдающийся швейцарский психиатр и невролог, крупнейший авторитет в области гипнологии. Обширная, в течение многих десятилетий медицинская практика и практика специально по лечению гипнозом и внушением по справедливости сделали его имя очень популярным. С 80-х годов прошлого столетия научная разработка вопроса гипноза и внушения исходила из учения о гипнозе знаменитого невропатолога Шарко и его Парижской школы с одной стороны и Нансийской школы во главе с Льебо и Бернгеймом с другой. Явления гипноза были связаны с внушением, объяснялись внушаемостью, как одним из основных свойств нервнопсихической деятельности и таким образом гипноз не мог быть рассматриваем, как проявление болезненного состояния, а тем более как что то чудесное или таинственное.

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

создаваться благоприятные условия для укрепления новых и учащения старых рефлекторных связей в зависимости от соответственных словесных раздражителей—внушений.

Внушениями же могут быть созданы или усилены очаги побуждения или доминанты (учение о доминантах проф. Ухтомского) направляющие поведение по известному уклону в зависимости от содержания словесных раздражителей в процессе внушения.

Таким образом, рефлексологические методы дают конкретное физиологическое обоснование механизму гипноза и внушаемости и с тем вместе вплотную подходят к разрешению загадки сложного и интереснейшего комплекса явлений гипноза и внушения, ставя их в общий ряд известных нам биосоциальных процессов.

Однако рефлексологические методы только начали свой путь и нужно опасаться преждевременных широких обобщений и схем, которые могут повести к чрезмерному упрощению явлений и в особенности у лиц, далеко стоящих от лаборатории, создать иллюзию, что в теории этого вопроса уже все сказано и ясно.

Апологет и сторонник суггестивной психотерапии проф. А. Форель дает резкую критику психотерапевтической школы Дюбуа и особенно Дежерина, выдвигающих метод логического убеждения. И нельзя не согласиться с проф. А. Форелем, когда он говорит, что ни одна из этих школ по существу в применении своих методов не избежала механизмов внушения. Тем не менее нельзя отрицать и того, что принцип, положенный в основу этих методов, другой чем в суггестивной терапии. Их путь детального логического подхода к симптомам нервнобольного с целью заставить его убедительными доводами, правильным освещением ошибок суждения и предрассудков расстаться с заблуждениями в толковании болезненных расстройств, активно с помощью врача пересмотров их установки, во многих случаях дает результаты там, где одна суггестивная терапия оказалась недостаточной или излишней.

Вспомним, что кроме суггестивной и рациональной терапии существует еще и психоанализ Freud'a и Адлера, и синтетическая психотерапия Марциновского и Яроцкого и отвлекающая ак. Бехтерева, и психопедагогика, и самовнушение Леви, Куз и поведенческая по Флейшману и лечение целевой установкой по Гилляровскому, Залкинду и много еще других, причем все они в известных случаях могут давать хорошие результаты.

Психотерапия требует большого индивидуализирования в зависимости от личности больного, условий образования болезненных проявлений и окружающей среды и все психотерапевтические приемы могут быть полезны. Психотерапия есть живое творчество и она никогда не сможет уложиться в узкие рамки какой нибудь одной схемы.

В заключение не бесполезно будет дать краткую историческую справку о развитии гипноза в России и СССР. Интерес к гипнозу и научная его разработка у нас началась одновременно с Западной Европой в 80-х годах прошлого столетия и с неослабным оживлением продолжается и поныне. Первая русская работа О. О. Мочутковского и Окса по гипнозу появилась в 1881 году, затем целая плеяда русских, ученых неврологов и психиатров, как Мочутковский Гиляров, Токарский, Данилло, Вяземский, Розенбах, Янушкевич, Говсеев, Рыбалкин, Рыбаков и др., известные физиологи Тарханов, Данилевский сделали крупные вклады в литературу о гипнозе и внушении. Представители русской гипнологии, как и заграницей, делились на последователей школы Шарко и Нансийской.

Ак. Бехтерев с первых же лет своей профессуры уделяет очень много внимания изучению гипноза. Его публичные речи, многочисленные доклады с демонстрациями больных, статьи, отдельные брошюры о гипнозе, внушении и психотерапии и роли внушения в обыденной жизни охватывают вопросы в большой полноте и способствуют распространению правильных взглядов на него. Он-же первый из русских профессоров начал систематически читать лекции по гипнозу студентам.

Проф. Данилевский развил свою унитарную теорию гипноза, согласно которой первоначальным источником гипноза является боль и страх с вызываемыми им оцепенением, торможением произвольных актов, затем путем прогрессивной эволюции от низших сенсорных рефлекторных явлений возникает эмоциональный гипно-шок и психофизическое торможение.

Ак. Бехтерев выдвинул учение о гипнозе, как об особом состоянии видоизмененного естественного сна, который может быть получен не только при помощи психических, но и физических воздействий и развивается не только у человека, но и у животных.

Перу русских авторов принадлежит большое количества экспериментальных работ по гипнозу (Бехтерев, Нарбут, Лазурский, Срезневский, Акопенко, Певницкий, Платонов, Бирман, Наумов, Финне, Мясищев и др.).

У нас же развивается и изучение коллективного или массового гипноза, в особенности в применении к лечению алкоголиков по методу ак. Бехтерева.

Основоположниками современного учения о гипнозе и внушении в рефлексологическом освещении являются ак. Бехтерев и ак. Павлов.

Интерес к гипнозу и внушению настолько растет и среди врачей и в массах, а современная литература по этому вопросу еще так бедна, что предлагаемый перевод классического труда А. Фореля нам представляется вполне заслуживающим издания. Подробные указания по гипнотерапии как самого автора, применявшего лечение внушением при многих заболеваниях, так и многочисленных выдающихся ученых делают эту книгу чрезвычайно поучительной для всех практических врачей.

В заключение отметим, что в переводе сделаны некоторые сокращения тех мест, где рассматриваются вопросы, не имеющие прямого отношения к гипнозу, или устаревшие в настоящее время теории, как объяснение сущности гипноза Фохта.

Прив. Доц. Д-р Мед. В. В. Срезневский.

I. Сознание и гипотеза идентичности

(Монизм)

Для уразумения гипнотизма должно уяснить себе, что такое "сознание". Явления гипнотизма, происходящие в нашей душе, представляют собою постоянную смену то „сознательного", то видимо „бессознательного". Но именно эта смена и доказывает лучше всего, что термин „бессознательное" — не точен и не соответствует действительности.

Необходимо, следовательно — во избежание праздных споров и опасности увлечься теологией по рецепту Гетевского Мефистофеля — условиться относительно того, что представляет собою неопределенное, относящееся к содержанию сознания, понятие „психический". В слове „психический" смешивают без разбору два понятия: 1. абстрактное понятие „интроспекции" или субъективизма, т.-е, наблюдения изнутри, которое каждый субъект производит и может производить лишь в себе и относительно себя самого; для этого понятия мы сохраняем термин „сознание"; 2. „деятельный элемент" души, т.-е, то из физиологии мозга, что обуславливает содержание сознания. Это ошибочно принято было за сознание в обширном смысле — отсюда и произошла та путаница в понятиях, которая сознание рассматривает, как свойство души. Молекулярную волну физиологической деятельности нервных элементов я назвал „нейрокимом".

О сознании других людей мы можем судить не иначе, как путем заключений по аналогии; столь же мало мы вправе были бы говорить о забытых явлениях, „что они не находятся более в нашем сознании". Область нашего сознания находится в постоянном движении. Явления в ней возникают и исчезают. С помощью памяти многие явления, в данный момент, повидимому, не сознаваемые, чрез посредство ассоциаций снова могут быть, с большим или меньшим трудом, вовлекаемы в круг сознания. Уже один опыт самонаблюдения экспериментально доказывает нам, что многие явления, пред-

ставляющиеся находящимися вне нашего сознания, все-таки сознаются или сознавались нами. Да, известные чувственные ощущения остаются в момент их возникновения скрытыми от нашего обычного бодрственного или верхнего сознания, в область которого они вводятся только впоследствии. Целые ряды деятельных состояний мозга (сны, сомнамбулизм или второе сознание) обычно, повидимому исключены из области верхнего сознания, но затем путем внушения или каким-нибудь иным путем ассоциируются с воспоминаемым содержанием последнего. Во всех таких случаях „видимо бессознательное“ оказывается все-таки сознательным. Названные явления неоднократно приводили к мистическим, т.-е. дуалистическим толкованиям. Одно очень простое соображение, однако, легко объясняет их. Предположим — и это вполне соответствует наблюдениям, — что области изнутри наблюдаемых деятельных состояний мозга отграничиваются так наз. ассоциационными или диссоциационными процессами, т.-е. что мы не можем их все сразу привести в деятельную связь друг с другом и что, следовательно, все, что представляется нам бессознательным в действительности также обладает сознанием, т.-е. имеет субъективный рефлекс,— то получится следующее: наше обычное бодрствующее или верхнее сознание есть не более, как внутренний субъективный рефлекс теснее друг с другом связанных деятельных состояний внимания, т.-е. во время бодрствования, концентрированных максимумов известных деятельных состояний большого мозга. Имеются еще другие виды сознания, частью забытые, частью находящиеся в слабой или косвенной связи с содержанием верхнего сознания, которые, в противоположность „верхнему“, называют „подсознанием“ Последнему соответствуют иные, менее концентрированные или иначе ассоциируемые или также более слабые деятельные состояния большого мозга. Для подкорковых (низших) мозговых центров должно допустить дальнейшие, находящиеся в еще более отдаленной связи, виды подсознания и т. д.

Во всяком случае наши субъективно-единые состояния сознания соответствуют всегда некоторому синтезу сложных физиологических процессов в мозге и не затушевывают физиологических деталей, распознаваемых нами

косвенно. Было бы, однако, ошибкой усматривать из-за этого в сознании какую-то особую сущность, отличную от деятельности мозга. В тени мы тоже не видим деталей предмета, который ее отбрасывает: она не имеет своей особой сущности и она является нам только через явление света. Достаточно принять, что существование явлений нашего верхнего сознания в поле внимания предполагает синтез подсознательных рефлексов и что характер этих синтезов является одним из факторов, определяющих качество явления верхнего сознания.

Прежде чем пойти дальше, мы считаем долгом рассмотреть явления памяти и родственные процессы в освещении одной новой, весьма важной работы.

Сознание и гипотеза идентичности (монизм) - Теория М. Симона. Мнема. Экфория.

Исходя из гениальной идеи Эвальда Геринга, что „инстинкт есть что-то в роде памяти“, Рихард Семон R. Semon, *Die Mneme als erhaltendes Prinzip im Wechsel des organischen Geschehens*, Leipzig bei. Wilhelm Engelmann 1904) (3-ье издание в 1911 г.) доказывает убедительнейшим образом что здесь мы имеем дело не только с аналогией, но и с более глубоким тождеством в мире органических явлений. Чтобы избавиться от психологической, как и физиологической и твердо установившейся односторонности их терминологии, он на основании точного определения понятия „раздражение“ устанавливает новые термины для наименования приобретенных общих понятий.

Под раздражением Семон понимает такое „энергетическое“ воздействие на организм, под влиянием которого в раздражительном веществе его вызываются ряды сложных изменений. Измененное таким образом состояние организма (которое длится так же долго, как и раздражение) он обозначает,

как „состояние раздражения". Перед воздействием раздражения организм находится (в противоположении к раздражению) в состоянии первичной, а после воздействия — в состоянии вторичной индифферентности.

Если же, по прекращении раздражения, раздражительное вещество живого организма, находящееся в состоянии вторичной индифферентности, оказывается надолго измененным, то Семон говорит об энграфическом воздействии. Самое изменение он называет энграммой, а сумму унаследованных и индивидуально приобретенных энграмм какого-либо живого существа — его мнемюю. Под экфорией он понимает воспроизведение всего, синхронического с тогдашним комплексом раздражений, состояния раздражения организма путем воздействия лишь части или ослабленного в целом раздражения. Эти термины применяются им для обозначения психологически (интроспективно) известных явлений ассоциации и воспоминания, равно как физиологических автоматизмов, онтогении и филогении. Энграммы таким образом экфорируются. При каждом таком процессе все мнемическое раздражение (комплекс энграмм) приходит в созвучие с синхроническим состоянием раздражения, которое вызывается новым раздражением; это созвучие Семон называет гомофонией. В случае несовпадения между действием нового раздражения и мнемическим раздражением деятельность вни-мания, онтогенетически регенерация и филогенетически приспособление стремятся интроспективно восстановить гомофонию.

И с помощью убедительных фактов Семон доказывает, что действия раздражения относительно локализованы лишь в районе их вступления (первичный собственный район), но что они распространяются лучеобразно и на весь организм (не только на нервную систему, ибо они действуют, например, и у растений). Таким путем энграфия, даже и колоссально ослабленная, и в особенности нервная, может в конце концов поражать и зародышевые клетки. Семон, далее, показывает, как и очень слабое энграфическое действие после бесчислен...

...сложна она — оно также сложно; проста она — оно также просто; диссоциирована она — оно также диссоциировано.

В согласии с Семоном „Die Mnemischen Empfindungen. Leipzig W. Engelmann 1909"— мы должны строго различать между понятиями ассоциация и экфория, а не смешивать их, как это делалось до сих пор. Ассоциация есть нечто длительное, а именно связь отдельных частей одновременного (скрытого или живого) энграмм-комплекса. Экфория есть нечто преходящее, а именно вспыхивание в сознании какого-нибудь бывшего комплекса. Экфория может привести к появлению новых ассоциаций и к ослаблению (диссоциации) старых. Деятельность внимания заключается в экфорировании старых энграмм-комплексов и в новой их ассоциации со свежими оригинальными ощущениями чувственных раздражений. Помощью так называемых волевых движений мы тогда реактивно выискиваем новые чувственные раздражения, чтобы тем самым контролировать и сравнивать между собой старые. Для лучшего понимания нашей психологии, я настоятельно советую нашим читателям прочесть выше цитированную книжку Semon'a.

До сих пор я пользовался термином диссоциация в том же двояком смысле, как раньше термином ассоциация, для характеристики спутанности мышления и разговора во сне и в психопатологических состояниях. Для всего диссоциированного на момент я предлагаю термин парэкфории. Настоящей диссоциацией можно было бы тогда назвать парэкфорированные энграмм — комплексы, остающиеся в мозге. В Dementia Praecox, в Paranoia, в Dementia senilis подобные диссоциированные энграмм — комплексы многократно, нередко даже непрерывно экфорируются рядом с нормальным мышлением, но тогда нужно словесно различать между возникновением симптома парэкфории и более или менее фиксированными сохраняющимися в мозге остатками комплексов. Точно так же следует различать между фактически не забытыми „амнезиями", которые не могут быть экфорированы ни на короткое, ни на более длительное время, и настоящими амнезиями с полным исчезновением энграмм-комплексов.

Наконец, было бы, пожалуй, целесообразно различать экфории вследствие оригинальных чувственных впечатлений от экфорий вследствие внутреннего мышления, называя первые эпэкфориями и вторые — энэкфориями. При

Paranoia, Dementia praecox бывают и частичные анэфории, т.-е. пропуск слов вследствие синтеза старых бредовых видений *)

**) Чтобы нагляднее выяснить применение выражений „энграмм-комплексы, ассоциация, экфория, диссоциация и парэкфория приведем следующие два примера:*

1. Мысль о покойном моем отце заложена глубоко в моем мозгу (в моей душе), как ассоциированный, энграфированный комплекс зрительных и других чувственных образов. Я смотрю на фотографию его, и этот комплекс всплывает в верхнем моем сознании, экфорируется и экфорирует, опять как энграмм — комплекс, лицо и голос моей давно умершей матери и в обстановке квартиры моих родителей в Во. Все эти картины сохранялись давно ассоциированные в моем мозгу. При посредстве таких экфорий образуются новые комплексы, ассоциированные в моем мозгу: отец, мать, старая квартира, образуются они в новых сочетаниях, которые опять как — будто бы исчезают, уходя в подсознание и т. д.

2. Затем я засыпаю и мне снится сон. Мой покойный отец парэкфорируется, как живой, здесь в моей квартире в Иворне. Благодаря сохранившимся в моем мозгу старым диссоциированным энграмм — комплексам, мне представляется естественным то, что и мать моя, умершая гораздо раньше отца и теперь тоже парэкфорированная, говорит со мной. Происходит это в старой квартире моего деда близ Моржа, которая тем не менее находится в Иворне (Морж на самом деле находится в пятидесяти километрах от Иворна). Вслед за тем парэкфорируется у меня и бабушка, умершая более пятидесяти лет тому назад. Она имеет точно такой вид, как на фотографии, которая висит в нашей столовой в Иворне. Она упрекает меня за то, что я женился (много лет спустя после ее смерти!) на немке. Все эти парэкфории энграфируются в своей бессмысленной диссоциации в моем мозгу (душе) и затем исчезают, уходя еще глубже в подсознание, где они и сохраняются, как диссоциированные энграмм-комплексы.

Сознание и гипотеза идентичности

(монизм) - Ступени подсознания

В сознании есть ступени. Живость центрального пункта внимания в данный момент вызывает ясность сознания или интроспекции, которую, конечно, не следует смешивать, как это доказал Седон, с интенсивностью. Живость вызывает прежде всего ясность деталей. Но смутный энграмм — комплекс может быть и интенсивным. Связанная с интенсивностью живость вызывает величайшую ясность и силу интроспекции или сознания при помощи внимания. Такую связь я назвал бы первой или максимальной ступенью сознания.

Ко второй ступени я отнес бы *al pari* большую живость со слабой интенсивностью (напр., *pianissimo*) или большую интенсивность со слабой живостью (глухой, сильный неясный шум), оба связанные со вниманием.

К третьей, уже гораздо более различимой ступени я отнес бы те ни живые, ни интенсивные состояния сознания, или интроспекции, которые касаются, так сказать, периферии внимания и все же еще отмечаются нами хотя бы и мимолетно. Примером могут служить части поля зрения, лежащие за пределами желтого пятна, но то же может быть отнесено и к впечатлениям слуха и осязания и в меньшей степени обоняния, вкуса и внутренних чувств.

Затем следуют ступени настоящего подсознания, играющего столь большую роль в гипнотизме, как и в психоанализе. Отрицательные и положительные галлюцинации гипноза гипнотизер может, как известно, оставить в подсознании или, если нужно, вызвать в сознании гипнотизируемого. Все эти случаи я отнес бы к четвертой ступени сознания.